- Подожди, подожди!

В этот короткий момент Хьюго уже обнажил грудь Люсии. Когда она почувствовала холодный воздух на своей коже, девушка осознала ещё более страшный факт.

"Я не люблю боль!"

Люсия была напугана. Девушка скрестила руки, пытаясь прикрыть грудь.

- Давай... Давай сначала помоемся?

Она высказала случайное оправдание, но когда подумала об этом лучше, поняла, насколько глупо оно должно было прозвучать.

- Я уже принял ванну.

- Я говорю сейчас о себе! Мне надо принять ванну!

- Мне всё равно.

- Мне не всё равно! Ваша Светлость... Хью... Пожалуйста...

Утром она вымыла только лицо. Шёл дождь, и погода была настолько тоскливой, что и тело девушки ощущало усталость. Люсия была напугана, но отбросив в сторону свой страх, понимала, что не желает устраивать игрища в постели в таком состоянии.

Его брови поднялись, когда мужчина послушно отодвинулся от Люсии. Он даже помог девушке подняться, придержав её под руку. Люсия как можно быстрее застегнула одежду и выскользнула из кабинета со скоростью выпущенной из лука стрелы. Её шея почти была в пасти волка, но девушке едва удалось спастись. Хьюго наблюдал за тем, как девушка убегает, словно перепуганная крольчиха, и натужно рассмеялся.

Ему едва удалось сдержать своё буйствующее желание. Хьюго вспомнил её заполненные слезами глаза цвета тыквы, и желания, которые ему едва удалось подавить, вспыхнули с новой силой.

Во всяком случае, Люсии некуда было бежать. Она могла предпринимать такие попытки только в пределах Роама. В конце концов, девушка уже была его супругой.

Жена.

Хьюго почему-то понравилось это слово. Он даже был счастлив тем, что это слово, "жена", относилось именной к этой женщине.

Мужчина провёл рукой по волосам. Герцог делал это неосознанно, когда дела шли не так, как планировал он.

Хьюго чувствовал внутри себя хаос. Он хотел обнять Люсию. Он хотел глубоко погрузиться в её плотное тело. Всякий раз, когда мужчина вспоминал это жаркое и влажное чувство, испытываемое им, когда находился внутри неё, нижняя половина Хьюго тут же становилась мучительно жесткой. Он жаждал обладать ею. Это был неоспоримый факт. Тем не менее Хьюго не понимал чёткую причину этого.

Она не была потрясающей красавицей. Также девушку сложно было назвать экспертом в постели. В их первую ночь Люсия дрожала от нервов, а из-за ощущения боли - боролась на протяжении всего процесса. Всякий раз, когда Хьюго касался её тела, девушка вздрагивала, как будто должно было случиться что-то плохое. Он также не мог удовлетворить свои желания, скрывающиеся в глубине души.

Несмотря на это, тело Люсии ощущалось ошеломляюще хорошо. Давление и жар внутри неё приходили к нему волнами, а эйфории было достаточно, чтобы Хьюго терял рассудок. Когда он увидел, что девушка пытается вторить его движениям, то чуть полностью не сошёл с ума.

Мужчина никогда не позволял своим занятиям перед сном влиять на его обычную жизнь. Каким бы горячим и страстным не был секс, когда Хьюго вставал с постели, ему легко удавалось стереть всё это из головы. Но после той ночи Люсия продолжала появляться в его голове, беспрестанно беспокоя мужчину.

Её задыхающиеся стоны, то, как девушка крепче стискивала его плечи каждый раз, когда Хьюго сильнее врезался в неё, узкое лоно и заплаканные глаза. Нижняя половина Хьюго пульсировала каждый раз, когда он смотрел на следы зубов, что Люсия оставила на его руке.

Если бы мужчина сравнил уровень удовлетворённости сексом и убийствами, то можно было сказать, что они доставляли ему равное удовольствие. Кровь Хьюго жаждала крови других. Он не мог убивать людей круглый год, поэтому в свободное время изменял направление, чтобы подавить жар своего тела в объятиях женщин. Поэтому, когда герцог не убивал, то нуждался в женском теле, чтобы удовлетворить свои желания.

На этот раз, однако, всё было иначе. Каждую ночь Хьюго не мог отогнать мысленные образы, и его нижняя половина пульсировала как сумасшедшая. Тем не менее он не хотел утолять своё сексуальное желание со случайной женщиной. Вот почему герцог отменил тур по северной территории и вместо этого вернулся домой. Весь месяц его тело чувствовало себя так, словно находилось в огне.

Мужчина должен был убедиться, действительно ли её тело было таким сладким. Возможно, Хьюго просто сожалел, что их близость прошла слишком быстро. Если бы это было последнее,

то всё, что герцогу нужно было сделать, это позаботиться об этом сожалении. Если же дело было в первом пункте, то всё могло бы вылиться в серьёзную для него проблему.

Независимо от того, как сильно Хьюго жаждал женского тела. Его сердце никогда до такой степени не трясло. Герцогу не нравился тот факт, что он вообще может быть чем-то настолько потярсён.

Хьюго встал с кровати и снова вошёл в кабинет. Он взял упавшую книгу и пошёл, чтобы поставить обратно на полку, но остановился, вместо этого оставив её на столе. Казалось, Люсия хотела прочитать это. Вероятно, она снова будет пытаться достать книгу.

"Она... в кабинете".

Джером ответил на его вопрос нерешительно. Всем строго запрещалось входить в кабинет без разрешения. Кабинет был разработан как место, которое может быть полностью отрезано от внешнего мира. Это было единственное личное пространство Хьюго во всём замке. Время от времени ему нужно было место, где мужчина мог бы просто спокойно дышать, оставаясь в одиночестве. Герцог не проводил в кабинете много времени, но если когда-нибудь заходил туда, это означало, что он не желал, чтобы его беспокоили, если только не было неотложных вопросов.

Когда Хьюго услышал, что Люсия в кабинете, то не почувствовал раздражения. Он даже лично отнёс её к кровати, чтобы соблазнить. Это было нечто такое, чего герцог никогда себе даже представить не мог, прежде чем женился на Люсии.

Но, если быть точным, принимать такое предложение о браке, было несколько не в его стиле. С того момента всё стало запутываться и переплетаться в совершенно неожиданных направлениях. Хьюго не мог решить, счастлив он или раздражён, отчего его чувства находились в смущении.

Кто-то постучал в дверь.

- Ваша Светлость, это Джером, - вежливо сказал из-за двери дворецкий.

- Войди.

Как только Джером вошёл в кабинет, он тут же оценил выражение лица своего господина. Он был свидетелем того, как мадам выбежала из кабинета в свою спальню. Джером едва успел сказать ей, что служанки уже приготовили ванну для госпожи. Он заметил, что лицо мадам было хмурым, а потому имел своё предположение о разыгравшейся ситуации.

Дворецкий отслеживал все действия хозяйки. Он не пытался следить за Люсией, просто хотел заботиться о ней как можно лучше. Казалось, мадам не было совершенно комфортно в этом

месте, поэтому Джером собирался ещё долгое время ухаживать за ней. Его звание было лишь главным дворецким, и мужчина не собирался выходить за его границы.

Джером обычно не старался укусить больше, чем мог прожевать. Он расточительно не бросал своё тело на костёр верности, но всегда делал свою работу как мог, хотя и не прилагал к тому все сто процентов своих усилий. Тем не менее причиной его внезапного резкого изменения в поведении было то, что он был очень доволен нынешней хозяйкой дома. У него был инстинкт настоящего охотничьего пса - Люсия не нарушит покой жизни герцога.

С тех пор, ка герцог Таран взял её в жёны, некогда унылый замок, казалось, буквально ломился от вновь обретённой энергии, и это делало Джерома по-настоящему счастливым. Ради мадам они наняли много новых горничных, которые внесли в это большой вклад.

Замок, который когда-то был заполнен только мужчинами, теперь был полон множества молодых женщин. Жёсткие и страшные лица его подчинённых резко смягчились. Джером поймал многих слуг на свиданиях, но закрывал на это глаза.

- Ваша Милость. Это я сказал мадам, что она может спокойно войти в кабинет. Если я перешагнул границы...

- Как ты относишься к герцогине? Как к хозяйке дома?

Герцог не обратил внимания на его извинения, вместо этого задав свой вопрос. Несмотря на это, Джером не растерялся. Хьюго не был таким добрым человеком, чтобы разъяснить каждую деталь своему собеседнику.

- Я не смею судить Её Милость, однако все любят мадам.

- Все?

Герцог усмехнулся, словно говоря: "Разве это не только твоё мнение?".

Джером начал признаваться в своих ошибкох, хотя его об этом даже не спросили. Он волновался, что его собственные ошибки могут навлечь гнев на Люсию. Также дворецкий поймал Хьюго, едва завершилось собрание, и посетовал, что аппетит мадам покинул на весь день.

Когда герцог услышал эту новость, он немного обеспокоился и пожелал извиниться перед ней. Таким образом он решил перенести последнюю часть встречи и направился в кабинет, чтобы встретиться с женой.

Компетенция Джерома как дворецкого проистекает из его стиля борьбы с проблемами: он всегда уничтожал проблему в зародыше. Таким образом, сейчас дворецкий чувствовал себя

странно. Джером понимал, что женщина не заслужила любовь герцога, просто будучи его любовницей. Скорее всего, Хьюго причинял бесконечную боль всем благородным дамам, с которыми имел связи.

Все бывшие женщины герцога ненавидели Джерома, без исключения. Одна конкретная дама плеснула соком ему в лицо, многие женщины оклеветали Джерома перед Хьюго. Конечно, партия, которая должна была быть прервана, принадлежала не Джерому, а женщинам.

- Почему?

- У неё более чем достаточно достоинства, чтобы выполнять обязанности герцогини. Мадам не оскорбляет своих подчинённых. У неё есть чёткая грань того, что она ожидает и не одобряет, но леди никогда не создаёт проблем из пустяка. Но с другой стороны, мадам также не становится излишне дружелюбной с горничными. У служанок нет шанса начать строить козни из-за фаворитизма.

- Это правда...?

Всё сказанное было довольно неожиданным. Казалось, что она не может отличаться ничем, кроме тёплого доброго сердца. Девушка была так молода, но уже обладала умениями контролировать подчинённых. Если бы это было не так, Джером не стал бы расхваливать Люсию.

- Что она делает сейчас?

Джером мог в любой момент начать петь гимн, посвящённый Её Милости, поэтому Хьюго поспешил предотвратить подобное развитие событий.

- Она купается.

Губы герцога изогнулись в очень довольную улыбку. Реакция Хьюго была мгновенной. В отличие от вялой фальшивой маски, которую он обычно демонстрировал другим.

- Мадам просила принести чай в свою комнату. Я принесу чай для вас обоих.

Джером предлагал им насладиться чашечкой чая, наслаждаясь спокойным вечером. Но на этот раз он неправильно предсказал намерения герцога. Его господин желал вовсе не чая.

- Не стоит.

Дворецкий поджал губы.

- Не беспокой нас.

Жесткое выражение лица Джерома смягчилось, когда он поклонился.

- Не приходи утром, чтобы разбудить нас.

- Я прислушаюсь к Вашему распоряжению.

http://erolate.com/book/698/11577